

НАСЛЕДСТВО С КОГТЯМИ

РЕННЕЛЬСКОЕ УРОЧИЩЕ · КНИГА ПЕРВАЯ

ТАЙНИКОВСКИЙ

Тайниковский Тайниковский Наследство с когтями

<https://litres.ru/74389992>

SelfPub; 2026

Аннотация

Зоолог Артём Волошин умер, думая о накладной на кормовые смеси, и очнулся в теле молодого барона.

Наследство: заповедник магических зверей, четыреста тридцать два золотых долга и двести восемьдесят шесть медяков в кармане. Плюс дракон, который рос бы от золота — но сто лет раздавал его на этот дом и теперь размером с кошку.

Через два месяца приедет королевский аудитор и пересчитает виды. Их должно быть шесть.

Их четыре.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	44
Глава 4	67
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Тайниковский

Наследство с когтями

Глава 1

У меня было двести восемьдесят шесть медяков, четыре серебняка и одна пуговица, которую я по ошибке два раза записал в разные графы.

Пуговицу я вычеркнул. Осталось двести восемьдесят шесть и четыре.

Свеча догорела где-то к четырём утра, я зажёл новую от огарка и обнаружил, что это последняя целая в ящике. Дальше шли обломки. Их я тоже пересчитал и записал: «свечные концы, семнадцать штук, годны». Потому что если ты начал опись, ты её доводишь. Иначе это не опись, а истерика с чернильницей.

Кабинет не топили с зимы. Я сидел в двух рубашках, поверх — стёганный жилет покойного, поверх жнего — плед, который на четвёртом часу перестал греть и начал просто мешать. Пальцы держали перо плохо. Почерк выходил чужой — не мой и не его, а какой-то третий.

Вот это, кстати, было самое паршивое во всей истории.

Не то, что я умер. К этому я как-то очень быстро притерпелся, будто узнал новость про дальнего родственника. И да-

же не то, что вместо меня теперь двадцатиднолетний парень с породистым носом и запястьями, которые я мог обхватить одной рукой. А то, что руки помнили не мои движения. Я тянулся за пером — и рука тянулась чуть иначе, чуть красивее, с оттяжкой, как учили. Я вставал — и спина сама выпрямлялась, если в комнате был кто-то посторонний.

Тело было хорошо воспитано. Мне это было незнакомо и неприятно.

* * *

Умер я в среду.

Шёл дождь, я перебежал улицу к остановке, потому что опаздывал на приёмку кормовых смесей, и в голове у меня была накладная. Восемьсот килограммов, два поддона, и я точно знал, что мне опять привезут не ту фракцию, и опять придётся звонить и слушать про «ну это же практически то же самое».

Про то, что было дальше, я помню только звук. Не удар — визг тормозов по мокрому.

И следующее, что я осознавал ясно, — это как я сижу в кресле с высокой спинкой, а передо мной на столе лежат бумаги, и я их читаю. И что самое странное — понимаю. И мне становится так плохо, как за все восемь лет в питомнике не было.

Тобиас дан Реннел, между прочим, тоже умер над этими бумагами. Трое суток просидел, потом слёг с горячкой и через четыре дня отошёл. Ему был двадцать один год. Я в два-

дцать один заваливал зачёт по гистологии и считал, что у меня трудный период.

Слушайте, у парня в двадцать один год было четыреста тридцать золотых долга и никого живого во всём роду.

Я бы тоже слёг.

* * *

— Мальчик мой, ты бы поел.

Дверь открылась без стука. Её просто толкнули плечом. Я даже не поднял головы, ибо за трое суток уже привык.

Мавра остановилась на пороге и вытерла руки о передник.

— Ты третью ночь над бумагами горбишься. Ты чего вообще там делаешь?

— Считаю, что у меня осталось.

Мавра подошла ближе и заглянула мне через плечо.

— Третью ночь считаешь. Насчитал чего-нибудь путного?

— Насчитал.

Я придвинул к ней четвёртый лист, где было две строки.

Она поставила на край стола миску, накрытую тряпицей, и сдвинула ею мои бумаги. Не спрашивая, просто сдвинула.

Ей было под семьдесят, она была ростом мне по грудь, широкая и твёрдая, как комод, и двигалась по дому так, будто дом принадлежал ей, а я тут снимаю комнату и должен вести себя тихо.

Вообще-то она была права.

Она стянула тряпицу. Каша. Из чего, я предпочитал не уточнять, потому что уточнял позавчера и потом полдня об

этом думал.

— Ешь, пока горячее.

— Я не хочу есть, Мавра.

Я отодвинул миску на ладонь.

— Я не спрашивала, хочешь ты или нет.

Она придвинула миску обратно, на прежнее место.

— Господин барон изволят третьи сутки не жрамши. Что я твоей матери на том свете скажу?

— Скажешь, что она была должна четыреста тридцать золотых.

Я всё-таки взял ложку.

Мавра посмотрела на меня.

Знаете, у меня в питомнике была заведующая ветблоком, Тамара Львовна. Тридцать один год стажа. Она умела так посмотреть, что взрослые мужики начинали объяснять, почему у них не заполнен журнал.

Мавра смотрела примерно так же, только с восьмидесятилетним запасом.

— Ты не хами, тебе не идёт. Тобиас хамить не умел, у него уши краснели.

Она отошла к печи и потрогала её ладонью.

Уши, кстати, действительно краснели. Тело сдавало меня с потрохами.

Я отодвинул чернильницу, чтобы освободить ей край стола.

— Мавра, сядь на минуту.

Она не села. Печь была холодная, само собой, и Мавра осталась стоять возле неё, спиной ко мне.

— Я хочу понять одну вещь, — заговорил я ей в спину, разглядывая её прямые плечи. — Ты последняя. Кухарка ушла в марте, конюх в апреле, прачки не было с позапрошлого года. Тебе не платили одиннадцать месяцев. Почему ты здесь?

Молчание.

— Мне идти некуда, вот и весь ответ, — уронила она наконец, всё так же не оборачиваясь. Ровно, без выражения, как называют вес поклажи. — У меня внук. Ему четырнадцать. Куда я с ним пойду, кто нас возьмёт? В городе с внуком не берут, там своих девок хватает. Так что ты, господин барон, не воображай. Я не из любви к твоему роду тут сижу. Я тут, потому что мне сесть больше нигде.

Я положил ложку.

— Спасибо тебе.

Она обернулась.

— За что это спасибо? — не поняла Мавра, сдвинув брови.

— За то, что не соврала мне сейчас.

Мавра пожевала губами. Явно хотела ответить что-то ядовитое, но не подобрала.

— Каша стынет, — буркнула она и вышла, притворив за собой дверь плотнее, чем нужно.

Каша была, если честно, неплохая.

* * *

К шести я закончил.

Разложил перед собой четыре листа и посмотрел на них, как смотрят на рентген, на котором уже все понятно.

Лист первый. Имущество. Дом на девятнадцать комнат, из них отапливаемых — три, и то если считать кухню, а кухню считать нечестно. Парк. Шесть вольерных дворов. Зимовник. Пруд. Акведук, который обвалился при деде и с тех пор считался «в ремонте». Полторы тысячи десятин земли, официально — заповедное урочище королевской грамоты, продаже, дарению и разделу не подлежит.

Вот эта строчка была единственной хорошей новостью за трое суток.

Земля неотчуждаема. Пока грамота в силе.

Лист второй. Живой инвентарь. Тут я сидел дольше всего, потому что впервые в жизни не мог заполнить графу «численность».

Никто не вёл учёт. Двести лет заповедник, королевская грамота, три поколения смотрителей — и ни одной племенной книги. Записи были: «третьего дня пеплогриву давали свёклу, ел плохо». Всё. Ни даты рождения, ни родословных, ни причин падежа. Ни-че-го.

Я нашёл в шкафу двенадцать таких тетрадей. Двенадцать. За двести лет.

Я сидел и думал: ребята, вы держали единственную в мире популяцию — я даже не знал ещё, чего именно, но точно

единственную, и вы записывали, что она плохо ела свёклу.

Меня, честно говоря, потряхивало не от холода.

Лист третий. Долг. Четыреста тридцать два золотых восемнадцать серебряков. Из них двести — закладная у ростовщического дома Кернеля, срок вышел в прошлом месяце. Сто десять — недоимка по земельному сбору за три года. Остальное — по мелочи: лекарь, кузнец, зерноторговец, ещё зерноторговец, ещё один, судя по всему, тот же самый, но через подставного, чтобы не позориться перед гильдией.

Лист четвёртый. Тут была одна строка.

«Двести восемьдесят шесть медяков и четыре серебряка».

Я посмотрел на четвёртый лист. Потом на третий. Потом опять на четвёртый.

Потом взял перо и внизу приписал: «Пуговица».

Пусть будет. Чем богаты.

* * *

Обход я начал в семь, когда рассвело настолько, что можно было не брать фонарь.

Урочище утром выглядело почти прилично. Туман сглаживал провалы в крыше зимовника, скрывал заросшие дорожки и делал вид, что парк — это парк, а не двадцать лет неухоженного самосева. Пахло мокрой землёй, прелым листом и еще одним знакомым запахом. Так пахнет, когда вольтер чистят раз в неделю вместо раза в день.

У ворот второго двора меня ждал Гуш.

Гуш — это два метра, покатые плечи, серо-зелёная кожа

и лицо, по которому невозможно прочесть вообще ничего. Полутроль. В Урочище семь лет. Ушёл с каменоломни, где, по слухам, кому-то что-то сломал, но слухи в изложении Мавры я делил на четыре.

— Господин.

Он остался стоять, где стоял.

— Доброе утро, Гуш. Открывай, посмотрим двор.

Я взялся за створку сам.

Он не двинулся.

Я отпустил створку.

— Что-то не так?

— Пеплогрив ночью беспокоился.

Гуш смотрел куда-то поверх моего плеча.

— Насколько сильно беспокоился?

— Ходил, — обронил он и умолк.

Я подождал. Продолжения не было. За три дня я уже понял, что Гуш выдаёт информацию порциями и торопить его бесполезно. Он от этого не ускоряется, а замолкает.

Я шагнул ближе.

— Ходил как именно? По кругу, по прямой, от кормушки к воде и обратно?

Гуш посмотрел на меня. Впервые за три дня — прямо.

— По прямой, — выговорил он и показал ладонью короткий отрезок. — Двенадцать раз. К углу и назад.

— К какому именно углу он ходил?

— К северному.

Гуш повернулся в ту сторону.

— Там раньше корыто стояло.

— А сейчас что там стоит?

Я уже понимал ответ.

— Пим его переставил, — отозвался он. — Мыл.

Я закрыл глаза.

— Гуш, скажи мне одну вещь. Пеплогрив слепой? — выговорил я, не открывая глаз.

Пауза.

— Восемь лет как ослеп, — подтвердил Гуш и переступил с ноги на ногу.

Вот теперь я знал про этот заповедник всё, что нужно.

* * *

Двор был большой, полторы сотни шагов в поперечнике, и посреди него стояла туша.

Иначе не скажешь. Туша с телегу размером, покрытая слоистой серо-пепельной шкурой, с валиками жира на загривке и с мордой, похожей на утюг. Пеплогрив — так его называли, и я даже не пытался пока понять, вид это или прозвище конкретного животного. Он стоял мордой в северный угол и переминался.

Просто переминался. Взад-вперёд, десять сантиметров вперёд, десять назад.

Слепое стереотипное поведение. Я такое видел у медведицы, которую двенадцать лет продержали в бетонном загоне, и потом полтора года мы её вытаскивали, и не вытащили.

— Где сейчас это корыто?

Гуш молча пошёл к сараю. Вернулся, неся деревянную колуду литров на двести, при этом он нёс её один, как ведро.

Я отступил, чтобы не мешать.

— Ставь его ровно туда, где стояло. Не примерно. Точно.

Он поставил.

— Не туда, левее.

Я присел и показал ему борозду в земле.

— Вот этот след — от него. Он подходил с этой стороны. Сдвинь на ладонь.

Гуш сдвинул.

И вот тут это со мной случилось в первый раз по-настоящему.

Я стоял в двадцати шагах, смотрел на слепую тушу, и вдруг — не увидел, не услышал, а как будто почувствовал в груди что-то чужое.

Растерянность. Голая, тупая, огромная. Мира нет. Мир был выучен наизусть, тридцать четыре шага до воды, двадцать один до стены, а теперь мира больше нет, кто-то его отменил, и теперь надо стоять, потому что если пойдёшь, то там пусто, а если пусто, то...

Я сел на землю.

Не картинно упал, а просто ноги перестали держать, и я плюхнулся в мокрую траву, а в горле начало першить.

— Господин, вам плохо? — забеспокоился Гуш, шагнув ко мне.

Я упёрся ладонью в мокрую траву.

— Погоди немного, сейчас пройдёт.

— У вас кровь идёт, — сообщил он и протянул мне обрывок холстины.

Я вытер нос рукавом, холстину не взяв. На рукаве остался кровавый след.

— Это нормально, не пугайся.

Ничего это не было нормально. Но это была вторая вещь, которую я про себя понял за трое суток. Первая: я в чужом теле в чужом мире. Вторая: у этого тела есть что-то, чего у меня раньше не было, и оно включалось само, без спроса, и от него шла носом кровь.

Пеплогрив тем временем повёл башкой.

Потянул воздух. Сделал шаг. Ещё шаг. Ткнулся мордой в колоду — и с грохотом начал пить.

Пил долго. Минуты три.

Гуш смотрел на пьющую тушу.

— Три дня не пил, выходит.

— Выходит, что три.

Я поднялся с земли.

— Я не догадался, — признал он.

— Ты не обязан был догадаться, — возразил я и отряхнул колени. — Догадаться должен был тот, кто ведёт журнал. Журнала нет. Значит, догадаться было некому.

Гуш помолчал.

— Журнал теперь будет? — поинтересовался он, впервые

повернувшись ко мне всем корпусом.

Я поднялся, вытер ладони о штаны и посмотрел на этот двор. На проплешины. На корыто. На слепую тушу, которая пила воду, потому что кто-то наконец поставил колоду на прежнее место.

— Будет, с сегодняшнего дня, — пообещал я и записал первую строку прямо на обороте вчерашней описи.

* * *

Пима я нашёл на четвёртом дворе, где он сидел на перевернутом ведре с видом человека, который уже всё про свою жизнь понял.

Четырнадцать лет, руки-жерди, шея, из которой торчат ключицы, и рыжина, доставшаяся явно не от Мавры.

— Это ты вчера корыто мыл? — начал я, останавливаясь над ним.

Пим на всякий случай встал с ведра.

— Я его мыл.

— А зачем ты его мыл?

— Так грязное же было! — выпалил он, отступая на полшага.

— Правильно сделал.

Пим поднял голову. Он явно готовился к другому.

— Правильно, что грязное мыть надо, — повторил я и кивнул в сторону второго двора. — Неправильно, что ты не вернул его на место. Он слепой. Он мир помнит наизусть. Ты переставил корыто, а он три дня не пил.

Пим побледнел так, что веснушки стали отдельно.

— Я про это не знал, честное слово.

— Знаю, что не знал, потому и объясняю.

Я сел рядом с ним на землю, потому что стоять над ребёнком и объяснять — это не разговор, это выволочка.

— Пим, слушай сюда. У меня к тебе просьба, и она серьёзная, ты не отмахивайся. Я не всё успею увидеть. Тут шесть дворов, я один и у меня в голове ноль. Если ты что-то заметил — что зверь не так пошёл, не так лёг, не так поел, — ты мне говоришь. Немедленно. Даже если тебе кажется, что ерунда. Даже если ты сам напортачил. Особенно если ты сам напортачил.

Пим ковырял носком сапога землю.

— А ругать за это не будете?

— Буду ругать, не обольщайся, — признал я, не отводя взгляда. — Но за то, что промолчал, буду ругать сильно хуже. Он подумал.

— А если я вам скажу, что в прошлом месяце разбил окно в зимовнике и свалил на ветер? — выговорил он наконец.

— Вот с этого мы и начнём, — решил я, поднимаясь и отряхивая штаны. — Пошли посмотреть, что там с окном.

* * *

Гонец приехал в полдень.

Верхом, в мокром плаще, с сумкой на боку, и по тому, как он держался, я сразу понял: не с добром. Люди, которые везут хорошее, слезают с лошади иначе.

— Барон дан Реннел? — уточнил он, не слезая с седла.

— Он самый.

Я вышел из-под навеса ему навстречу.

Он протянул мне трубку, запечатанную зелёным. Я распи-сался — рука вывела подпись Тобиаса раньше, чем я успел подумать, как она выглядит.

Я разглядывал печать.

— Ответа дожидаться будете?

— Ответ тут не предусмотрен, — отозвался гонец и уже разбирал поводья. — Это извещение, — добавил он и уехал.

Я сломал печать прямо во дворе, потому что ждать до кабинета было выше моих сил.

Извещение было составлено красиво. Я даже позавидовал — у нас в питомнике так писать не умели.

Купеческий консорциум «Солнечный Кряж», в лице по-веренного, уведомляет барона Тобиаса дан Реннела о выкупе долговых обязательств последнего у ростовщического дома Кернель, а равно и о намерении в трёхмесячный срок ини-циировать пересмотр королевской грамоты на предмет соот-ветствия Реннельского Урочища заявленному в грамоте на-значению.

Дальше шло приложение. Опись. С цифрами.

Их опись.

По их сведениям, в Урочище на текущий момент содер-жалось девять видов из одиннадцати заявленных в грамоте. Из них четыре — единичными особями. Двух видов не было

вовсе.

Я стоял посреди двора с бумагой в руках, и до меня медленно доходило.

Они знали численность.

Я, хозяин, три ночи считал свечные огарки и не мог заполнить графу. А они знали.

Мавра стояла на крыльце и вытирала руки о передник.

— Мальчик мой, что там за бумага? Чего пишут-то?

— Пишут, что мы плохо соответствуем.

Она спустилась на ступеньку ниже.

— Кому это мы не соответствуем?

— Самим себе, Мавра.

Я сложил извещение вчетверо и убрал во внутренний карман. Интуиция меня внов не подвела...

* * *

Он пришёл ночью.

Я снова сидел в кабинете и вновь с последней свечой, а на столе передо мной лежало извещение и рядом мой четвёртый лист, где двести восемьдесят шесть медяков и пуговица.

Сначала я слышал звук. Не шаги — цоканье, как будто по коридору идёт крупная собака с плохо стриженными когтями. Потом дверь толкнули снизу.

В кабинет вошёл дракон.

Он был с хорошую верховую лошадь, только приземистее, и шёл так, как ходят звери, которые точно знают, что помещение принадлежит им. Чешуя тускло-медная, местами

вытертая до серого, как старый чайник. Один рог обломан. Морда длинная, и на этой морде совершенно отчётливо читалось выражение.

Выражение было такое: ну и что тут у нас за цирк.

Он подошёл к столу. Посмотрел на бумаги. Посмотрел на меня.

Три ночи, — сказал голос у меня в голове. Сухой, скрипучий, с интонацией пожилого бухгалтера, у которого опять принесли документы не в том порядке. — *Три ночи он считает. Реннел, у тебя в верхнем ящике второго шкафа лежит приходная книга за последние сорок лет. Постатейно. С разбивкой по кварталам.*

Я, надо отдать себе должное, не заорал.

Я вообще ничего не сделал. Просто сидел.

Молчит, — констатировал дракон. — *Прекрасно. Реннелы обычно в этом месте начинали визжать. Твой прадед, когда я с ним впервые заговорил, упал с лестницы. С двух ступенек, но с большим чувством.*

— Ты кто вообще такой?

Я не двинулся с места.

Ксаверий Аргентум Третий из Кладки Пепельных Гор, — представился дракон и уселся посреди кабинета, обвив хвостом лапы.

— Ясно, вопросов больше нет, - ответил я и покачал головой.

Дошло до того, что меня уже настоящие драконы не удив-

ляют...

Я зачем-то закрыл чернильницу.

Твоя прабабка звала меня Кешей, — тем временем, добавил дракон, как будто бы невзначай. — Вернее будет сказать, прабабка того, кому раньше принадлежало это тело, — добавило магическое существо и с интересом уставилось на меня.

— Я...

— *Мне без разницы, — не дал мне ничего сказать дракон. — Возможно, мы когда-нибудь вернемся к этому вопросу но не сейчас, — произнес тот, кого звали Ксаверий.*

Интересный он, однако...

— А почему именно Кешей? — решил поинтересоваться я, дабы продолжить разговор.

Сто десять лет пытаюсь это выяснить, — проворчал дракон и отвернул морду. — Она умерла, так и не объяснив. Подозреваю, что это была месть.

Он подошёл ближе, вытянул шею и прочитал извещение. Читал долго, водя мордой по строкам. Потом хмыкнул — прямо в голове, что оказалось довольно неприятным ощущением.

Марвейн, — обронил он и отодвинул мордой верхний лист. — Значит, всё-таки решились. Я ждал их лет двадцать.

Я подался вперёд.

— Ты знаешь, зачем им понадобилась эта земля?

Знаю прекрасно, — подтвердил дракон.

— Тогда объясни мне, потому что я не понимаю.

Дракон посмотрел на меня и от его пристального взгляда мне стало немного не по себе.

Сначала поешь, а объясню я потом, — распорядился он.
— *Ты сидишь тут третью ночь, у тебя утром шла кровь носом, и если ты сдохнешь так же, как предыдущий, я не стану ждать следующего. Я слишком стар.*

— Со мной сейчас разговаривает дракон, — произнёс я вслух, чтобы проверить, как это звучит, и постучал пальцем по столу. — И он говорит мне, что я плохо питаюсь.

Я говорю тебе, что ты — актив, — сухо поправил Кеша.
— *Единственный ликвидный актив в этом поместье. И я не намерен его терять из-за того, что он забыл про ужин.*

Он развернулся, задев хвостом стул, и пошёл к двери.

На пороге остановился.

И, Реннел. Верхний ящик второго шкафа. Приходная книга. Я вёл её сам, потому что больше никто в этом доме не умел складывать.

— Кеша, погоди минуту, — окликнул я его в спину.

Он замер. Медленно повернул голову.

Не смей меня так называть, — предупредил дракон, и голос в голове сделался холоднее. Довольно странное чувство, к слову.

Я поднялся из-за стола.

— Извини, я оговорился. Ксаверий, сколько всего было

видов, когда ты сюда пришёл?

Дракон помолчал.

Одиннадцать, — отозвался он с порога, не оборачиваясь.
— *Все одиннадцать*.

Глава 2

Приходная книга лежала в верхнем ящике второго шкафа, ровно там, где было сказано, и я потратил полторы минуты на то, чтобы её оттуда достать, потому что ящик разбух и не шёл.

Это была не книга. Это были четыре книги, сшитые в одну колоду, толщиной с кирпич, в переплёте из телячьей кожи, вытертом до белизны на углах.

Я открыл наугад в середине.

И минут пять просто смотрел.

Ровные столбцы. Дата, статья, приход, расход, остаток. Почерк мелкий, страшно аккуратный, с одинаковым наклоном на всех четырёх сотнях страниц. Сноски на полях: «уточнить у Веры», «см. л. 214», «недостача, разобрано, стр. ниже». Разбивка по кварталам. Годовые сводки с итогом, подведённым дважды — сверху и снизу, чтобы сойтись.

Я вёл отчётность восемь лет. Я знаю, как выглядит документ, который человек ведёт, потому что заставили, и как выглядит документ, который ведут от всего сердца.

Это был второй вариант.

Я сел и начал читать с начала.

* * *

Читал до полудня.

К полудню я знал про Урочище больше, чем за трое суток

описи, и почти всё это мне не нравилось.

Считали здесь так: двенадцать медяков — серебряк, двадцать серебряков — золотой. Итого в золотом двести сорок медяков. У меня, если считать вместе с четырьмя серебряками, было на руках триста тридцать четыре медяка. Один золотой и девяносто четыре медяка. Долг — четыреста тридцать два золотых. Я был должен в четыреста с лишним раз больше, чем имел.

Зато я наконец понял, с чего они вообще жили.

Статья первая — «тропная пошлина». Самая жирная. Восемьдесят, сто, сто двадцать золотых в год. Держалась до сорок седьмого года, потом рухнула вдвое, потом ещё вдвое, и последние девять лет стояла ноль.

Статья вторая — «сбор с посетителей». Это я понял сразу: заповедник пускал публику. Смешные деньги, шесть-восемь золотых в год, но стабильно. Оборвалась четыре года назад.

Статья третья — «поставка алхимическим домам». Шерсть, линька, сброшенный панцирь, помёт (я даже при-сви́стнул от суммы), яд, чешуя, перо. Живые звери, живой сбор, ничего никто не убивал. Тридцать-сорок золотых в год, и это была самая честная строка во всей книге, потому что она падала ровно в том темпе, в котором вымирали виды.

Статья четвёртая — «прочее». Тут был бардак и, судя по всему, стыд.

И расходная часть, от которой у меня заныли зубы. Корма. Ремонт. Жалованье. И раз в несколько лет — крупная сумма

без пояснения, просто «внесено», и почерк на этой строке всегда был чуть другой. С более тяжёлым нажимом.

Восемь таких строк за сорок лет. Общей суммой около трёхсот золотых.

Я отметил закладкой и пошёл искать дракона.

* * *

Он обнаружился в оранжерее — единственном месте в Урочище, где ещё было тепло, потому что стекло держало солнце, даже когда половины стекла не было.

Лежал на каменной скамье, свесив хвост, и грелся. С лошадь размером, медно-тусклый, в позе, которую я бы у обычного животного описал как «терморегуляция».

Читал, я полагаю? — осведомился он, не открывая глаз.
— Читал до самого рассвета.

Я сел на край скамьи.

И что же ты вычитал?

Я положил ладонь на раскрытую страницу.

— Про пошлину хочу спросить. Что это вообще такое?

Кеша открыл один глаз. Жёлтый, с горизонтальным зрачком, и на редкость очень осмысленный.

Наконец-то правильный вопрос, — одобрил он и приподнял голову с лап. — *Твой дед три года спрашивал, нельзя ли продать пруд.*

Он поднялся, потянулся всем телом — по-кошачьи, с прогибом, и пошёл к выходу, задевая крылом ветки.

Идём. На словах ты не поймёшь, а мне лень объяснять

дважды.

* * *

Он привёл меня в дальний конец парка, куда я за три дня так и не добрался.

Там была прогалина. Круглая, шагов сорок в поперечнике, и по краю — камни. Одиннадцать штук, врытые в землю, каждый мне по пояс, гладкие и без надписей.

Два камня светились. Очень слабо, тускло-тёплым, как остывающий уголь под пеплом.

Девять были мёртвыми.

Это тропы, — пояснил Кеша, обходя ближний камень кругом. — Урочище стоит на перекрёстке. Одиннадцать переходов в иные миры, все обозначены. Дед твоего прадеда получил грамоту не за красивые глаза, а за то, что перекрёсток обнаружили на его земле.

Я подошёл к ближайшему тёплому камню и положил ладонь. Тёплый. Тепло было ровное, живое, как бок спящей собаки.

— Объясни мне, как они вообще работают, — попросил я дракона, так и не убрав руки с камня.

Тропа держится, пока в Урочище живёт хотя бы один вид оттуда, — принялся объяснять дракон, усаживаясь напротив. — Зверь это своего рода якорь. Есть якорь — тропа открыта, по ней ходят, за проход платят пошлину, и пошлину эту получает владелец земли. Нет якоря — тропа гаснет. Гаснет насовсем. Разжечь заново нельзя ничем,

кроме как привести оттуда живое.

Я стоял с ладонью на камне и медленно переваривал услышанное.

Я обвёл взглядом прогалину.

— Значит, из одиннадцати камней девять уже погасли.

Восемь погасли при твоём прадеде и деде, — уточнил Кеша. — *Один — четыре года назад.*

— А этот последний который?

Я шагнул вдоль кольца.

Кеша повёл мордой в сторону крайнего левого камня.

Кисейницы там. Их было шесть. Осталась одна, она бесплодна, и тропы не считает её якорем, потому что вид, который не даёт потомства, для тропы уже мёртв.

Я вспомнил цифры. Пошлина рухнула вдвое, потом ещё вдвое, потом в ноль. Ровно в такт.

Я повернулся к нему.

— Ксаверий, у меня к тебе ещё один вопрос.

Слушаю тебя внимательно, — отозвался дракон.

— В книге восемь строк «внесено» без всякого пояснения. Триста золотых за сорок лет.

Я смотрел ему прямо в морду.

Дракон молчал долго.

Это совершенно неважно, — уронил он наконец и отвернулся.

— Это треть всех расходов на корма за тот же срок.

Это. Неважно.

Тон был такой, что я не стал спрашивать дальше.

Пока не стал...

* * *

Когда мы вернулись к дому, я сел на нижнюю ступеньку.

— Теперь рассказывай про Марвейнов.

Теперь про Марвейнов, — согласился Кеша и уселся на крыльцо, обвив хвостом лапы. — Скажи мне, Реннел, зачем купеческому консорциуму земля, которая не отчуждается по королевской грамоте, лежит в трёх днях пути от ближайшего приличного города и на четверть состоит из болота?

— Затем, что она перекрёсток, тут и думать нечего.

Хорошо, продолжай мысль, — подбодрил он.

— А дальше я не понимаю. Грамота запрещает продажу. Значит, купить они её не могут.

Совершенно верно, — подтвердил дракон.

Я поднял на него голову.

— Тогда они хотят убрать самую грамоту.

Тоже верно, и в извещении так и написано, ты не сделал открытия, — он зевнул, показав очень много зубов, и я подумал, что для существа, живущего на подаяние, он держится с редким нахальством. — Вопрос в другом. Грамота даётся под назначение. Назначение — содержание заповедного собрания. Собрание считается существующим, пока в нём наличествует... сколько видов, как ты думаешь?

— Одиннадцать, надо полагать?

Шесть, а не одиннадцать, — поправил Кеша и постучал когтем по доске крыльца. — Треть с округлением вверх плюс один. Формулировка отвратительная, я её наизусть помню, потому что она угробила три поколения твоей семьи. У тебя сейчас девять видов. Из них четыре — единичными особями. Особь без пары видом не считается.

Я посчитал.

Девять минус четыре — пять.

Пять — это меньше шести.

Я выпрямился.

— Погоди, я хочу это проговорить вслух. То есть по формальному счёту грамота уже недействительна?

Уже полтора года как, — подтвердил дракон и лениво повёл хвостом. — Просто никто не приезжал считать.

— А теперь, значит, приедут, — договорил я за него.

Приедет королевский аудитор. В извещении срок — три месяца. Значит, приедет через два с половиной, потому что аудиторы любят приезжать раньше.

— И насчитает наши пять.

Я растёр ладонью лоб.

И насчитает ровно пять, — подтвердил Кеша. — После чего грамота будет пересмотрена, земля перейдёт в свободный оборот, и её купит человек, который эти три месяца ждал с готовыми деньгами.

Мы посидели.

Я поднялся со ступеньки.

— Ксаверий, скажи мне одну вещь.

Спрашивай, пока я в настроении, — разрешил он.

— Что они будут делать с перекрёстком?

А вот это, — медленно произнёс дракон, вытянув шею.

— Единственный вопрос, на который у меня нет ответа. И он мне не нравится больше всего остального.

* * *

Обедать я сел в кухне, потому что в столовой было холодно, а в кухне Мавра.

— Ешь давай, остынет, — велела Мавра, ставя передо мной миску.

— Я ем, между прочим.

В доказательство я зачерпнул ложкой.

— Не ешь ты, а ковыряешься, — не согласилась она и села напротив, подперев щеку. — Ну и чего ты там нашёл?

— С чего ты взяла, что я что-то нашёл?

— Ты с полудня ходишь такой, будто тебе на голову ведро надели, — пояснила Мавра, не сводя с меня глаз. — Значит, узнал чего-то. Рассказывай.

Я подумал, стоит ли. И понял, что скрывать бессмысленно: она в этом доме дольше меня раз в двадцать, и, судя по всему, узнаёт новости раньше, чем они случаются.

Я отложил ложку.

— Нас будут пересчитывать. Через два-три месяца придет королевский аудитор и посчитает виды. Их должно быть шесть. У нас пять.

Мавра не охнула. Не всплеснула руками. Она аккуратно поправила солонку и спросила:

— А если их всё-таки шесть будет? — уточнила она, разглаживая скатерть ладонью.

— Тогда грамота остаётся в силе, и землю не тронут, — объяснил я.

— Значит, надо, чтоб было шесть, — заключила Мавра и хлопнула ладонью по столу.

— Мавра, шестой вид надо откуда-то взять.

— Ну так пойди и возьми, — распорядилась она, забирая у меня пустую миску.

Вот в этом вся Мавра. Ей семьдесят с чем-то, у неё на руках внук и хозяин с четырьмястами золотых долга, а она разговаривает так, будто речь о том, что кончилась соль.

Я отодвинул опустевшую миску.

— Да негде его взять, Мавра. Виды-то из других миров, идти надо туда.

— Так и иди туда, чего расселся, — распорядилась она.

— На это нужны деньги. У меня один золотой девяносто четыре.

— А, ну это да, это плохо, — признала Мавра и поджала губы.

Она встала, ушла к печи и загремела там чем-то.

— Ты вина в погребке не считал ещё? — поинтересовалась она оттуда очень будничным голосом, гремя заслонкой.

— Считал позавчера, вместе со всем прочим.

— И чего же ты там насчитал? — уточнила Мавра, не оборачиваясь.

— Одиннадцать бутылок насчитал.

Я смотрел ей в спину.

— Одиннадцать, ровно одиннадцать, как есть, — подтвердила она и переставила чугунок с места на место.

В описи, которую я делал позавчера, стояло четырнадцать.

Я открыл рот. Потом посмотрел на её спину — очень прямую, очень занятую печью спину — и закрыл.

— Одиннадцать, значит.

Я вычеркнул в описи прежнюю цифру.

— Вот и я про то же говорю, — одобрила Мавра и наконец обернулась.

* * *

Илария тен Овеск приехала в четвёртом часу, когда я был на третьем дворе и по локоть в мунликах.

Про мунликов надо сказать отдельно.

Это лисы. Вернее будет сказать, формально это лисы, да: та же стать, тот же хвост, та же наглая морда. Только шерсть у них по краю светится в темноте бледно-зелёным, а днём просто отливает, как будто по ней провели маслом. Их в Урочище одиннадцать штук, живут стаей во втором и третьем дворе, и главная их характеристика — они все таскают.

Всё блестящее. Всё. За три дня у меня пропали: ложка, вторая ложка, пряжка, две монеты из тех самых двухсот

восьмидесяти шести, чернильница (пустая, слава богам) и почему-то куриное яйцо, которое не блестит вообще ничем.

Я как раз лез в нору под корнем вяза, куда, по данным Пима, всё это уносилось, когда за спиной раздался женский голос:

— Вы не туда лезете, там пусто.

Я обернулся. И треснулся затылком о корень.

Девушка стояла шагах в десяти, держа под уздцы очень грустную серую лошадь. Лет двадцати пяти. Дорожный плащ, заляпанный по подолу, волосы убраны в тугой хвостик на затылке, и через плечо сумка, из которой торчали ручки инструментов.

— Здравствуйте, я вас не заметил.

Затылок я придерживал ладонью.

— Вы не туда лезете, — повторила она и кивнула на вяз.
— Это отнорок. Основная кладовая с той стороны, под камнем. Они всегда роют два входа: один для ходьбы, второй чтобы вы искали.

Я выбрался наружу.

— А вы, простите, кто такая будете?

— Илария тен Овеск, с соседнего надела, — представилась она и достала из сумки сложенный лист. — Ваш зверодоктор.

— В каком смысле мой?

Я принял бумагу.

— В самом прямом, уже восемь лет, — пояснила Илария

и отпустила повод.

Я вылез, отряхнулся и взял лист.

Это был счёт.

Очень подробный счёт. С датами, наименованиями, суммами, с отдельной графой «расходные снадобья» и отдельной — «выезд». Итого внизу: девятнадцать золотых четырнадцать серебряков.

Я смотрел на этот счёт и думал только одно: господи, наконец-то хоть кто-то в этом хозяйстве умеет вести документы.

Я ткнул пальцем в строку.

— Вот тут у вас, за третье число. «Пеплогрив, промывание, повторно». Почему повторно?

Илария моргнула.

Она явно готовилась к другому. Судя по тому, как она держала спину и как заранее задрала подбородок, готовилась она к тому, что я буду выкручиваться.

— Потому что первое не помогло, — пояснила она, шагнув ближе. — Я пришла на другой день.

— Второй выезд в счёт у вас не поставлен.

— Не поставлен, вы верно смотрите, — подтвердила Илария.

— А почему не поставлен? — не отставал я.

— Потому что если первое не помогло, это моя работа, а не ваши деньги, — отрезала она и забрала у меня счёт обратно. — Барон дан Реннел, я приехала не обсуждать методику.

Я приехала за деньгами.

— Денег у меня нет, ни медяка.

Илария кивнула. Не удивилась ни капли.

— Я примерно так и думала, — отозвалась она.

— Тогда зачем вы вообще приехали?

— Затем, что теперь могу честно сказать: предъявила счёт и получила отказ, — объяснила Илария и свернула повод на руке. — Всего вам доброго.

И пошла к лошади.

— Илария, погодите минуту.

Она не остановилась.

— Тен Овеск, у меня кисейница!

Я шагнул следом и на этих моих словах она остановилась.

* * *

Кисейница сидела в отдельном закутке пятого двора, и я в первый раз её увидел только утром, потому что закуток был за стеной и я его сначала принял за дровяник.

Размером с гуся. Тело как у стрижа, а крылья — то, из-за чего это птица получила такое название: тонкие, полупрозрачные, с рисунком, похожим на морозный узор. Только сложены они были неправильно. Правое прижато к телу нормально, левое отставлено и чуть провисало.

Она не летала. Она ходила по земле, переваливаясь, и было в этом что-то невыносимое.

— Ей девятнадцать лет, — начала Илария, присев на корточки у решётки. — Последняя. Остальные пять умерли за

четыре года, одна за другой, и я не смогла понять почему. Скажу честно, потому что вы всё равно узнаете: я не смогла.

— А бесплодна она давно?

Взгляда от птицы я не отрывал.

— По записям выходит, что всегда, — отозвалась Илария.

— Три кладки, все пустые. Ваш дед пробовал спарить её с самцом, самец умер через полгода после последней попытки.

Я смотрел на левое крыло.

Я присел рядом.

— Она давно его так держит?

— Держит как именно? — не поняла Илария.

— Отставленным, не прижимает к телу.

Я показал ладонью угол.

Илария посмотрела на птицу. Потом на меня. Потом снова на птицу, и я увидел, как у неё меняется лицо: она смотрела на это животное восемь лет и сейчас впервые смотрела на угол крыла.

— Не знаю, если честно, — выговорила она медленно. — Всегда, наверное.

Я взялся за створку.

— Пустите меня к ней внутрь.

— Она вас не подпустит, она никого не подпускает, кроме... — начала Илария и осеклась, ибо я уже был внутри.

И вот тут оно опять включилось.

Не так, как с пеплогривом, — там был обвал, огромный и тупой. Здесь было совершенно по-другому. Как игла под

ноготь, ровная, привычная, такая, с которой живут годами и перестают замечать.

Сустав. Основание крыла. Не рана, не перелом — застарелое, наросшее, каждое движение с зацепом, и поэтому не двигаться, поэтому держать отставленным, поэтому не летать. Девятнадцать лет.

И под этим, глубже — не боль, а что-то, для чего у меня не было слова.

Я сел на землю в двух шагах от птицы. Не потому, что так надо. Ноги опять не удержали.

Кисейница подошла сама.

Она смотрела на меня чёрным круглым глазом, и я слышал — именно слышал, не думал, — как ей паршиво, и как она к этому притерпелась, и как в ней при этом всё ещё что-то ждёт. И это ожидание её и держало.

— Не двигайтесь, прошу вас, — выдохнула Илария очень тихо от решётки.

— Постараюсь не шевелиться.

Осторожно, двумя пальцами, я тронул основание левого крыла.

Птица дёрнулась. Но не ушла.

Под пером был бугор. Плотный, размером с фалангу, тёплый.

— Илария, это никакое не бесплодие.

— В каком смысле не бесплодие? — не поняла она и подалась к решётке.

— Три пустые кладки за девятнадцать лет. Самец умер. Крыло у неё не работает, — я осторожно убрал руку и ото- двинулся. — Вопрос. Как эти птицы спариваются?

Она несколько секунд молчала, а потом произнесла:

— Они спариваются в полёте, — выговорила Илария и медленно опустилась на корточки.

— Вот именно поэтому.

Я убрал руку, а затем вышел из закутка, притворил решёт- ку и сел на бревно, потому что стоять было пока рано. Нос опять начал кровить.

Илария смотрела на меня очень внимательно.

— У вас кровь идёт, — заметила она.

— Знаю, что идёт, не обращайтесь внимания.

Я вытер лицо рукавом.

— Барон дан Реннел, послушайте меня, — начала Илария.

Я поднялся с земли.

— Зовите меня Тобиасом. У нас впереди месяца три очень неприятной жизни, и я не выдержу три месяца «баро- на дан Реннела».

Девушка пропустила это мимо ушей. Она стояла и, было видно, пересчитывала в голове девятнадцать лет.

— А я работала с ней восемь лет, — выговорила она нако- нец, глядя мимо меня. — Я всё это время лечила ей желудок. Потому что она плохо ела. А она плохо ела, потому что...

— Потому что животному с хронической болью не до еды.

— Именно поэтому и плохо ела.

— Илария, это не упрёк вам.

— Я знаю, что не упрёк, — огрызнулась она и отвернулась. — От этого мне не легче.

* * *

Мы сидели на бревне до сумерек.

Она достала из сумки записи — свои, не хозяйские, и они были такие же аккуратные, как счёт: даты, вес, аппетит, стул, что давала, что помогло. Восемь лет наблюдений. Я сидел и читал их с тем же чувством, с каким читал приходную книгу.

В этом хозяйстве, оказывается, было двое, кто вёл документы. Дракон и соседка.

— Убрать нарост можно?

— Не знаю. Он старый. Если это сустав — там всё спрелось. Резать придётся вслепую, я такого не делала.

— Я делал. Дважды. Один раз получилось.

— А второй?

— А второй умер у меня на столе.

Взгляда я не отвёл.

Илария посмотрела на меня.

— Вы это очень спокойно говорите.

— Я говорю спокойно, потому что иначе перестану оперировать вообще.

Я положил ладони на колени.

— А тогда умрут все, а не один.

Она помолчала.

— Тобиас, — повторила она, будто пробуя слово на зуб, и

подобрала под себя ноги. — Даже если получится. Даже если она полетит. Самца нет. Вид всё равно кончится на ней.

— Я это прекрасно понимаю.

— Тогда зачем вы вообще за это беретесь?

Хороший вопрос. У меня на него не было красивого ответа, и я дал некрасивый:

— Затем, что у неё девятнадцать лет болит крыло.

Илария встала. Отряхнула плащ. Снова свернула повод на руке — я заметил, что она делает это, когда о чём-то задумывается.

— С вас девятнадцать золотых четырнадцать серебряков,
— напомнила она, отряхивая плащ.

— У меня их нет.

— Я знаю, что у вас их нет, я вам это уже говорила, — девушка вздохнула. — Отсрочка. До зимы. Но я хочу договор, письменный, с долей: если Урочище начнёт зарабатывать, я получаю восьмую часть с алхимической поставки, пока долг не покроется вдвое.

— Почему именно вдвое?

— Именно вдвое, и не торгуйтесь, — отчеканила она невозмутимо. — Я восемь лет работала за «потом». «Потом» кончилось.

Я подумал.

Восьмая часть — это, по книге, четыре-пять золотых в год в лучшие времена. Долг покроется лет за восемь. Дороже банка. И при этом у меня в хозяйстве появляется един-

ственный зверодоктор в трёх днях пути, привязанный к результату.

— Согласен на ваши условия. Составлю бумагу к завтраму.

Я протянул руку.

— Составите — я перечитаю. Внимательно.

— Не сомневаюсь.

Она уже взялась за седло. И вот тут, не оборачиваясь, обронила:

— Тобиас. Ко мне на той неделе приезжал человек.

— Какой человек?

— Вежливый, — она подтянула подпругу. — Спрашивал, много ли мне должны в Урочище. Я сказала — много. Он предложил выкупить у меня этот долг. Целиком. Прямо там, деньгами, из сумки.

Я встал с бревна.

— Вы не отдали.

— Не отдала, разумеется, — отозвалась Илария, затягивая подпругу. — Хотя, если совсем честно, минуты две думала.

— Почему не отдали?

Она вскочила в седло и посмотрела на меня сверху вниз — усталая, злая, в заляпанном плаще.

— Потому что тогда бы вас пересчитывали люди, которым всё равно, — объяснила она, разбирая поводья. — А мне ещё девятнадцать лет назад было не всё равно, и я, к сожалению,

за это время не поумнела, — сказав это Илария тен Овеск уехала.

* * *

Кеша ждал меня на крыльце. Как выяснится позже — он всегда ждал на крыльце, потому что в дом его не пускала Мавра, у которой были свои принципиальные соображения насчёт когтей и полов.

Девятнадцать золотых, — обронил он вместо приветствия и прыгнул со ступеньки. — *Ты подписал восьмую долю на восемь лет.*

— Подслушивал?

Я дракон. Я не подслушиваю, я присутствую, — он оценивающе повёл башкой. — Плохая сделка.

— Хорошая сделка.

Обоснуй.

— Марвейны предлагали ей наличные за долг. Она отказалась. Теперь у неё доля, а значит, ей выгодно, чтобы мы выжили. Мы только что купили её лояльность в рассрочку и без первого взноса.

Дракон долго молчал.

Твой дед, — заметил он наконец, укладывая хвост кольцом. — *В этом месте продал бы пруд.*

— Это комплимент?

Это констатация, — Кеша поднялся и пошёл в темноту, к оранжерее. И уже оттуда, из-за стены, добавил:

Реннел. Про восемь строк «внесено».

Я замер.

Не спрашивай меня о них при других, — предупредил дракон из темноты. — Спроси, когда никого не будет. Тогда я, может быть, отвечу.

И ушёл.

Я постоял на крыльце.

Пять видов. Нужно шесть. Три месяца. Один золотой девяносто четыре медяка, из которых, если считать по-честному, два медяка уже унесли мунлики.

И слепой пеплогрив, которому надо не переставлять крыто.

Я тяжело вздохнул и пошёл в дом составлять договор.

Глава 3

Договор я сел писать в шестом часу утра, потому что не спал.

Не спал, если честно, из-за крыла. Лежал, смотрел в потолок, где по балке ползла трещина, и раз за разом прокручивал: девятнадцать лет, сустав,росло, срослось, резать вслепую. И каждый раз упирался в то, что резать вслепую нельзя, а по-другому не выйдет.

Так что в шестом часу я плюнул, зажёг огарок и пошёл вниз.

Кеша обнаружился на крыльце. Он там, по-моему, и ночевал — свернувшись кольцом, положив башку на хвост, точно как кот на подоконнике, только с восьмипудовым перевесом.

Не спится, — констатировал он, не поднимая головы.

Я опустил на верхнюю ступеньку.

— Мне и правда не спится третью ночь.

Прекрасно. Тогда пиши договор правильно, а не как ты собирался.

— А как именно я собирался его писать?

По-человечески, — фыркнул дракон и покачал головой, всем своим видом показывая, свое пренебрежение.

Я тяжело вздохнул и покачал головой.

И за что мне вот все это...

* * *

Выяснилось, что за сто десять лет в этом доме Ксаверий Аргентум Третий составил, по его собственным словам, «некоторое количество» бумаг. Некоторое количество — это, как я потом выяснил по книге, около четырёхсот договоров, шестьдесят закладных и одно завещание, которое опротестовывали в столице девять лет и не опротестовали.

Диктовал он, лёжа на пороге и просунув башку в дверь ровно настолько, чтобы видеть лист. Дальше не пускала Мавра — не физически, а тем способом, каким пожилые домоправительницы вообще не пускают.

«Настоящим соглашением, заключённым между...» Реннел, ты пишешь «между мной и».

— Так я и пишу «между мной и».

Не пиши «между мной и». Пиши полными именами с титулами обеих сторон. Иначе на слушании тебя спросят, кто такой «я», и ты будешь стоять и объяснять.

Я отложил перо.

— Ксаверий, это же соседка, с которой я вчера сидел на бревне.

Восемь лет назад твой дед точно так же сидел на бревне с зерноторговцем Кальбе, — напомнил в ответ дракон и просунул морду чуть дальше в дверь. — И записал «поставка овса по обычной цене». Обычная цена, Реннел. Через год Кальбе объяснил суду, что обычная цена — это его обычная цена, а не рыночная. Мы заплатили сорок один золотой за то, что твой дед поленился написать четыре слова.

Я написал полными именами с титулами.

Дальше пошло веселее. Дракон требовал определять всё: что считать «алхимической поставкой» (перечислением, а не общим словом), от какой суммы берётся восьмая доля — от валовой или от чистой (от чистой, и «пусть попробует поспорить»), что происходит с долей, если Илария по каким-то причинам перестанет работать (доля замораживается, но не пропадает), и что происходит, если Урочище перейдёт другому владельцу.

На этом пункте я остановился и перечитал написанное.

— А этот пункт нам вообще зачем?

Затем, что если через два с половиной месяца сюда придут Марвейны, у неё должно остаться право требования к земле, а не к тебе лично, — пояснил Кеша и постучал когтем по порогу. — *Тогда они будут иметь дело не только с бароном без денег, но и с обременением. Обременения покупателей раздражают.*

— Ты предлагаешь мне заранее подложить свинью тому, кто у меня всё отберёт.

Я отодвинул лист.

Я предлагаю тебе перестать думать словом «отберёт» и начать думать словом «дорого», — поправил дракон. — *Отобрать у тебя ничего нельзя. Можно только купить. Твоя задача — сделать это настолько дорогим и муторным, чтобы им захотелось.*

Я дописал пункт.

Солнце к тому времени встало, и на кухне загремела Мавра.

* * *

Илария приехала в девять, в том же плаще, но выпавшаяся и оттого гораздо более опасная.

Она взяла договор, села к окну и стала читать. Читала одиннадцать минут — я засёк по капели, которая падала с крыши с очень равномерным интервалом.

— У меня вопрос по пункту шестому, — объявила она, не поднимая головы.

— А что с ним не так?

— Всё так, в том и беда, что слишком так, — отозвалась Илария и подняла на меня глаза. — Тобиас, вы вчера производили впечатление человека, который в жизни не составлял договора.

— Я его и правда никогда не составлял.

— А это тогда у меня в руках что? — уточнила она, встряхнув листом.

— Это мне продиктовали от начала до конца.

— И кто же вам его диктовал? — поинтересовалась Илария, откладывая бумагу.

Я подумал, как объяснить. И решил этого не делать.

— Наш... управляющий.

Я зачем-то поправил чернильницу.

Илария посмотрела на меня очень внимательно.

— У вас нет никакого управляющего, — возразила она,

разглядывая меня в упор. — У вас вообще никого нет, кроме Мавры, мальчишки и полутролля.

— Он у нас на людях не показывается.

— Замечательно просто, — протянула она с непередаваемой интонацией и снова взялась за лист. — Управляющий-невидимка. У вас тут очень весёлое хозяйство, барон. Пункт девятый.

— А с девятым что не так?

— В нём у вас дыра, — объявила она, развернула лист ко мне и постучала ногтем. — «Доля исчисляется от чистого дохода алхимической поставки». Прекрасно. А кто считает чистый доход?

— Считать его буду я.

Я осёкся.

— Вот именно, что вы, — подхватила Илария и откинулась к спинке. — Вы. По своим книгам. Которые я не вижу. Через год вы мне скажете, что чистого дохода не было, потому что весь валовый ушёл на корма, и формально будете правы.

Я открыл рот и сразу же закрыл.

С крыльца донеслось нечто, что я к тому моменту уже научился опознавать как драконий смех: сухой, короткий, вроде кашля.

Она совершенно права, — вмешался Кеша с явным удовольствием. — Мне нравится эта женщина. Впиши ей право на выпуск.

— Что именно ей вписать?

Право раз в квартал требовать выписку по статье за подписью владельца. Не всю книгу — только по её статье. И укажи срок: семь дней с требования.

Я вписал.

Илария перечитала, шевеля губами.

— Вот теперь я это подпишу, — объявила она и потянулась за пером. — Тобиас, а вы мне покажете вашего управляющегося? - спросила она и я хмыкнул.

— Возможно, когда-нибудь, - ответил я, на что она лишь пожала плечами.

Думаю, мы друг друга поняли.

* * *

Дальше началось то, чего я боялся со вчерашнего вечера, и это была не операция.

Это был разговор о том, где её делать.

Я вошёл в кухню.

— Резать будем на кухонном столе.

Мавра поставила чугунок. Аккуратно. Не грохнула. И вот от этой аккуратности мне сразу стало не по себе.

— Нет, не будем, — отрезала она.

— Мавра, мне нужна ровная поверхность, кипятик под рукой и свет. Всё это есть только в кухне.

— На этом столе я мешу тесто, — напомнила Мавра, упершись в столешницу обеими ладонями. — Хлеб. Который ты жрёшь. Ты предлагаешь мне на нём резать птицу?

— Я его сам выскоблю и ошпарю кипятком.

— Ошпарит он, поглядите на него, — проворчала Мавра, не убирая ладоней.

— Мавра, давай без этого.

— Господин барон, вы меня не уговорите, — отчеканила она, и я мысленно поставил себе галочку: перешла на титул, значит, всерьёз.

Илария в этот момент сидела на лавке и с интересом наблюдала, не вмешиваясь.

— Хорошо, тогда прачечная.

— В прачечной крыша течёт третий год, — напомнила Мавра, забирая чугунок обратно.

— Тогда оранжерея, там светло.

— Там ваш... — Мавра запнулась и отвернулась к печи.

— Там сквозняк гуляет.

— Малая гостиная, стол из красного дерева.

— Он у вас расшатанный весь, — отозвалась она через плечо.

Я сел на лавку.

— Мавра, назови мне тогда место, где можно.

Мавра вытерла руки о передник и посмотрела на меня как на слабоумного.

— Так стол же вынести можно, — удивилась она моей несообразительности. — Кухонный. Во двор. Под навес. Там и свету полно, и вода в двух шагах, и потом отскоблишь на воздухе, а не в моей кухне.

Возникла небольшая пауза.

— Это отличная мысль, Мавра.

Я поднялся с лавки.

— А то я не знаю, что отличная, — отозвалась она и вернулась к печи.

С крыльца снова кашлянуло.

* * *

Стол выносили вчетвером, потому что оказалось, что он дубовый, двухсотлетний и весит как небольшой обелиск. Гуш взялся за один конец и поднял. Мы с Пимом взяли за второй конец и поднимали примерно на треть.

— Господин, отойдите в сторону, — велел Гуш, перехватывая столешницу поудобнее.

— Я вполне держу свой край.

— Вы его не держите, — не согласился он и приподнял стол одной рукой, доказывая свои слова.

Я посмотрел на свои руки. На двадцатиоднолетние баронские запястья и отошел в сторону.

Гуш вынес стол один. Пим шёл рядом и придерживал за угол с сосредоточенным лицом человека, вносящего решающий вклад.

Под навесом стол установили, выровняли клиньями и трижды ошпарили. Илария разложила инструменты — свои, потому что моих не было. Ножи, зажимы, крючки, иглы, моток жил, склянки. Всё чистое, всё разложено в порядке, и я снова поймал себя на дурацком облегчении: с этой женщиной

можно работать.

Я разглядывал разложенные инструменты.

— Что у вас есть из обезболивающего?

— Сонная каша есть, дурман-корень с молоком, — перечислила Илария и поморщилась. — Дозировка на птицу такого веса — примерно, — она задумалась. — Я никогда не считала.

Я достал блокнот.

— Значит, посчитаем сейчас. Какой у неё вес?

— По прошлому месяцу четыре с четвертью, — отозвалась она.

— Четыре с четвертью килограмма?

— Четыре с четвертью чего, простите? — не поняла Илария.

— Неважно, оговорился. Четыре с четвертью чего у вас?

— Фунта, разумеется, — отчеканила она, глядя на меня очень внимательно.

Я вздохнул. Значит, ещё и в фунтах.

— Хорошо, зайдём иначе. Сколько кашицы вы дали бы кошке того же веса?

— Кошке я бы дала на самом кончике ножа, — отозвалась Илария, показав кончик мизинца.

— А птице того же веса сколько?

— А птице я бы дала вдвое меньше, — выговорила Илария медленно, откладывая склянку. — У них сердце частит, дыхание частит, и они уходят от такого совсем.

— Правильно. Ещё меньше, — я подумал. — Илария, у нас есть выбор: усыпить её глубоко и рискнуть, что не проснётся, или дать ровно столько, чтобы она не билась, и держать.

— Держать — это как?

— Держать будет Гуш.

Я кивнул в его сторону.

Гуш, стоявший в трёх шагах, кивнул.

— Она у нас умрёт от страха, — предупредила Илария, не поднимая головы от инструментов.

Я засучил рукава.

— Не умрёт, я её подержу.

— Вы только что сказали, что держит Гуш, — напомнила она.

— Я подержу её другим способом.

Я посмотрел на холстину.

Илария перевела взгляд на мой нос — вчерашнее она явно не забыла — и промолчала.

* * *

Пима я поставил на свет.

У него в руках было зеркало — старое, мутное, из малой гостиной, — и его задача была ловить солнце и класть на крыло. Простая задача, если не считать того, что солнце ходит.

— Пим, подойди-ка сюда.

— Чего мне сделать? — отозвался он, подбегая.

— Ты сейчас будешь стоять тут два часа и держать. Рука затечёт через двадцать минут. Меняешь руку, не опуская. Если тебе станет нехорошо — говоришь вслух, отходишь, садишься. Не геройствуешь. Понял?

— Всё понял, не подведу, — выпалил он и перехватил зеркало обеими руками.

— Повтори.

— Меняю руку. Если нехорошо — говорю и сажусь.

— Молодец.

Он покраснел до ушей.

Мавра принесла кипяток в двух чугунах и осталась стоять поодаль, сложив руки. Я хотел было отправить её в дом, но не стал. Пусть стоит. У неё за спиной семьдесят лет этого дома, ей на это смотреть нужнее, чем мне.

Кисейницу принесла Илария, завёрнутую в холстину. Птица не билась. Она вообще почти не сопротивлялась, и вот это было хуже всего: животное, которое перестало сопротивляться, обычно перестало и надеяться.

Я положил ладони поверх холстины.

И "открылся".

* * *

Это трудно объяснить.

С пеплогривом меня просто накрыло, я ничего не делал. Тут я сделал сам — потянулся навстречу, как тянутся в тёмной комнате рукой, и нашёл.

Игла под ногтем. Ровная, привычная, девятнадцатилет-

няя.

И следом, глубже — паника. Не острая. Тусклая, размазанная, тоже привычная: держат, значит, сейчас опять будет то, что всегда бывает, и надо перетерпеть, и потом станет как было.

Первое, что я попытался сделать, это внушить птице спокойствие.

Это, если честно, звучит по-идиотски, и в первый момент ничего не вышло. Потому что нельзя сказать животному «спокойно», если сам стоишь над столом с ножом и у тебя трясутся руки. Она чувствовала меня ровно так же, как я её. Мы были соединены в обе стороны, и я об этом не подумал.

Так что сначала пришлось успокоиться самому.

Я стоял с ладонями на холстине и минуты две дышал. Считал вдохи. Вспоминал, как в питомнике перед сложной операцией мыл руки ровно шестьдесят секунд — не потому, что надо шестьдесят, а потому, что за эти шестьдесят секунд меня всегда отпускало.

Паника пошла на убыль.

Не ушла. Стала тише, как отодвинутая.

Я положил ладони на холстину.

— Начинаем, все по местам. Гуш, корпус и лапы, не крыло. Держать ровно, не сжимать, если она рванёт — не догонять хваткой, ждать, пока я скажу. Илария, вы режете.

— Резать буду я?! — переспросила она, отступив на полшага.

— Вы. У меня руки заняты и у меня нет вашего опыта работы с этим телом. Я говорю, вы делаете.

— Тобиас, я не...

— Илария, послушайте меня. Вы восемь лет ставили этой птице зонд в горло. Вы знаете её анатомию лучше меня. Я знаю, где болит. Вместе мы её вытащим, порознь — нет.

Она взяла нож.

Руки у неё не тряслись. Совсем. Я потом узнал почему, но об этом позже.

* * *

Резали час двадцать.

Я не буду описывать это подробно, потому что подробно — это в племенную книгу. Скажу главное.

Нарост оказался не суставом.

Илария вскрыла кожу над бугром, развела, и я успел подумать «сросшийся мозоль», а потом она выговорила очень ровным голосом:

— Тут капсула.

— Что вы там нашли?

— Капсула. Соединительная. Плотная, — пауза. — Внутри что-то есть.

Птица под моими руками дёрнулась, и я едва удержал в ней «спокойно», которое чуть не выскользнуло, как мокрая рыба.

— Гуш, держи. Пим, свет левее. Ещё. Стой так.

— Тобиас, я такое уже видела, — выговорила Илария, не

убирая ножа. — Один раз, у собаки.

— И что там было?

— Дробина.

Мы посмотрели друг на друга через стол.

Я крепче прижал холстину.

— Вскрывайте её.

Она вскрыла капсулу.

Внутри, в мутной желтоватой жидкости, лежал обломок. Сантиметра три длиной, чёрный от времени, с одной стороны обломанный, с другой — заточенный.

Наконечник. Маленький, тонкий, гранёный.

Такими бьют птицу.

* * *

Дальше я работал молча, потому что если бы я начал разговаривать, я бы перестал держать.

Достали. Вычистили капсулу до чистого. Промыли. Илария зашила — четырьмя стежками, аккуратно, изнутри, — и наложила повязку с мазью, состав которой я записал себе на манжету, потому что бумаги под рукой не было.

Крыло легло.

Не идеально — сустав был разработан криво за девятнадцать лет, и это уже не отменишь. Но легло. Прижалось к телу, как правое.

Я убрал ладони.

Птица лежала на боку, дышала часто и мелко, и в ней уже не было иглы. Была тупая горячая боль от разреза — совсем

другая, свежая, честная боль, которая проходит.

И под ней — то самое, для чего у меня не было слова.

Ожидание. Которое, оказывается, всё ещё было.

— Она проснётся? — спросил Пим сипло. Он всё ещё держал зеркало, хотя солнце ушло за навес десять минут назад.

Я наконец убрал ладони.

— Проснётся обязательно. Опустит руку, ты молодец.

Он опустил руку, и его тут же повело в сторону. Мавра оказалась рядом раньше, чем я успел шагнуть.

— Сидеть, кому говорю, — велела она и посадила его на землю. — Голову вниз. Вот так. Дыши.

— Да я нормально себя чувствую, — попробовал возразить Пим.

— Дыши, кому говорю, — недовольно буркнула Мавра и смерила меня негодующим взглядом.

Ох, чувствую ждать беды...

* * *

Ужинали в кухне впятером, и это, кажется, был первый раз за очень долгое время, когда за этим столом сидело больше двух человек.

Иларию Мавра усадила молча, но с таким видом, что отказаться было нельзя. Гуш сел с краю, на лавку, которая под ним скрипнула, но смирилась. Пим ел так, как едят четырнадцатилетние после сильного испуга, — то есть за троих и не поднимая головы.

— Ты, значит, барона тен Овеска дочка будешь, — начала

Мавра, подкладывая Иларии добавки.

— Его дочка, всё верно, — подтвердила Илария, не поднимая головы от миски.

— Старшая?

— Единственная.

— А, ну да, ну да, — протянула Мавра и переставила солонку.

Илария посмотрела на неё поверх ложки.

— И что означает «ну да, ну да»?

— Ничего не означает. Ем.

— Мавра, ты что-то недоговариваешь, — заметила Илария.

— Я же говорю, ничего оно не означает, — отозвалась Мавра невозмутимо. — Просто вспомнила, что вашей матушке в позапрошлом году сватали Мертенса из Вельны. И что она отказала. И что мне это тогда показалось разумным, потому что у Мертенса зубы.

— У Мертенса действительно зубы, — согласилась Илария.

— Вот и я говорю.

Я молча ел кашу и старался не участвовать. Опыт восьми лет в коллективе, где было четыре женщины и одна кофеварка, научил меня: если при таком разговоре открыть рот, дальше говорить будут про тебя.

— А вы, господин барон, женаты не были, — немедленно вставила Мавра и подложила добавки уже мне.

Вот.

— Не был ни разу.

— И невесты нет.

— Мавра, у меня четыреста тридцать два золотых долга.

— Одно другому не мешает, — возразила Мавра и забрала у меня пустую миску. — Бывает, что и помогает.

Гуш издал звук. Очень короткий. Я не сразу опознал в нём смех, потому что до этого не слышал ни разу.

— Дядя Гуш, а вы видали, как он её держал? — влез Пим с набитым ртом. — Он ладони положил, и она перестала. Со всем перестала. Я думал, она забьётся, а она лежит.

— Видал я, как он держал, — подтвердил Гуш и отодвинул миску.

— Это же магия?

— Пим, не приставай к людям, — оборвала его Мавра.

— А чего я такого спросил-то? — возмутился он.

— Того. Ешь.

Илария за всё это время не проронила ни слова, но я чувствовал её взгляд затылком, и он был очень заинтересованный.

* * *

Обломок она выложила на стол, когда убрали посуду.

— Смотрите сюда, — велела она и развернула тряпицу прямо между хлебницей и солонкой.

Взяла пинцетом, поднесла к свету лучины и повертела.

— Значит, девятнадцать лет назад, — подытожила она,

вертя обломок пинцетом.

— Или раньше. Капсула нарастала не сразу.

— Тобиас, кисейница жила в закрытом дворе. За стеной. Всю жизнь.

— Я это прекрасно знаю, — отозвался я.

— Тогда как?

Я не ответил, потому что ответов было слишком много и все неприятные. Стреляли снаружи, через стену, наудачу. Или стреляли внутри. Или её принесли уже подстреленной, а записали как здоровую.

— Илария. По записям — когда её привезли?

— Она не привезена. Она здесь родилась.

Вот тебе и раз.

— Значит, стреляли прямо на территории.

Я отодвинул кружку.

Илария положила обломок обратно на тряпицу и вытерла пинцет.

— Тут есть ещё кое-что, — добавила она и поднесла обломок ближе к лучине. — Посмотрите на грань.

Я посмотрел.

По одной из граней шла насечка. Три коротких штриха под углом, потом кружок. Очень мелко, но чётко — такое ставят не для красоты, а чтобы отличать своё от чужого.

Я забрал у неё пинцет.

— Это клеймо.

— Оно не гильдейское, — определила Илария и вернула

обломок на тряпицу. — Гильдейские я знаю, я снаряжение закупаю. Это личное.

Гуш через стол протянул руку и взял обломок двумя пальцами — так осторожно, как будто боялся раздавить, и, наконец, правда боялся.

Посмотрел.

— Такое клеймо я уже видел, — произнес он и положил обломок обратно.

Все повернулись к нему.

Восемь фраз в неделю — это, если что, не преувеличение. Я потом считал.

— Где? — спросил я.

— На каменоломне, — Гуш положил обломок обратно на тряпицу. — К нам ходил человек. Брал зверьё. Ловчий. У него на всём такое стояло — на болтах, на силках, на клетках. Три чёрточки и кружок.

— Как звали?

Гуш подумал.

— Имени его не знаю, — признал Гуш, разводя огромными ладонями. — Его звали Ловчий, больше никак не звали.

— И давно он там появлялся?

— Семь лет назад, — он сделал паузу. — Он и раньше ходил. Люди говорили — лет двадцать ходит.

Я посмотрел на обломок.

Двадцать лет.

— Мавра, ты про такого слышала?

За спиной у меня звякнуло. Не разбилось — просто звякнуло, как звякает миска, которую поставили чуть резче, чем собирались.

— Мало ли кто по округе ходит, — отозвалась Мавра и переставила миску чуть резче, чем собиралась.

Я обернулся.

— Мавра, я к тебе обращаюсь.

— Я говорю: мало ли кто ходит, — она собрала со стола хлебные крошки в ладонь, ссыпала в передник и пошла к печи. — Поздно уже. Госпоже тен Овеск ехать три версты в темноте, а лошадь у неё некованая, я видела.

— Кованая у меня лошадь, — возразила Илария, поднимаясь из-за стола.

— Плохо кованая, — отрезала Мавра.

И встала к печи спиной.

Второй раз за два дня.

Я смотрел на эту очень прямую, очень занятую спину, и думал, что в этом доме, оказывается, есть человек, который знает больше дракона.

Илария поднялась, накинула плащ и, пока завязывала те-сёмки, тихо обронила мне у двери:

— Она соврала.

— Я заметил.

— Тобиас, я вам вот что скажу, и не обижайтесь, — девушка затянула узел. — Мне тут очень не нравится. Не вы. Тут.

— Мне тут тоже не нравится.

Я придержал ей дверь, а затем, когда она уже была крыльце, добавил:

- Мне тоже...

* * *

Кеша лежал там, где и всегда, и по нему было видно, что он всё слышал от первого слова до последнего.

— Ксаверий.

Слушаю.

Я развернул тряпицу и положил перед ним на доски.

Дракон опустил башку. Понюхал — не носом, а как-то иначе, поводя ноздрями на расстоянии в пол-ладони. Долго рассматривал грань.

И я почувствовал — не через дар, он тут был ни при чём, а просто увидел, — как у него по загривку "прошло".

От основания черепа до лопаток. Как проходит по чело- веку, которому назвали фамилию, которую он двадцать лет не слышал. Как мурашки.

Убери это, — потребовал он и отвёл морду.

— Ты знаешь это клеймо.

Убери, Реннел.

Тряпицу я не убрал.

— Ксаверий, послушай меня. В крыле этой птицы де- вятнадцать лет сидел наконечник. Она родилась в закрытом дворе. Значит, стрелял кто-то, кто был внутри. Я хочу знать кто.

Дракон медленно поднял голову и посмотрел на меня.

Жёлтый глаз с горизонтальным зрачком, и в нём не было ничего от вчерашнего насмешливого крючкотвора.

Ты хочешь знать слишком многое, — заметил он и поднял голову. — Ты хочешь знать про восемь строк. Ты хочешь знать про клеймо. Реннел, тебе через два с половиной месяца считать виды, у тебя их пять из шести, и у тебя один золотой девянсто четыре медяка. Ты уверен, что хочешь тратить голову на то, что случилось так давно?

— Я хочу знать, кто в моём заповеднике стрелял по животным.

В твоём заповеднике? — повторил Кеша.

И засмеялся — тем самым сухим кашлем, только на этот раз в нём не было ничего весёлого.

Хорошо, будь по-твоему, — уступил он наконец. — Тогда так. Я отвечу тебе на один вопрос из трёх. На один, Реннел, выбирай. Про строки, про клеймо или про то, зачем Марвейнам перекрёсток.

— Почему на один?

Потому что на два я не готов, — признался дракон очень просто, и мне от этой простоты стало неудобно.

Я стоял на крыльце с тряпицей в руке.

Из-под навеса доносился голос Иларии — она объясняла Пиму, как менять повязку, и объясняла второй раз, потому что первый он не запомнил. Мавра гремела чугунами, отмывая их от кипятка. Гуш нёс стол обратно, один, придерживая

столешницу подбородком.

Кисейница спала на соломе в корзине, и у неё больше ничего не болело.

Я убрал тряпицу в карман.

— Тогда рассказывай про Марвейинов.

Правильный выбор, — одобрил Кеша и поднялся. — И вот тебе за него первое: они уже здесь.

— В смысле?

В смысле — на прошлой неделе через Урочище прошли двое. С юга, через болотную сторону, где ограды нет полверсты. Шли не таясь, с мерной цепью. Мерили от восьмого камня к четвёртому.

Я почувствовал, как у меня похолодели пальцы.

— Ты видел и молчал?

Я видел и ждал, — не согласился дракон. — Пока ты начнёшь задавать вопросы. Ты начал вчера. Сегодня третий день, как я тебя знаю, и ты за это время сделал больше, чем твой дед за девять лет. Так что нет, Реннел, я не молчал. Я проверял.

Он поднялся, потянулся и пошёл с крыльца.

Мерная цепь у камней означает одно, — обронил он на ходу, не оборачиваясь. — Они не собираются ждать аудитора. Они все решили.

Глава 4

Повязку сняли на девятый день.

Все девять дней её менял Пим — сам, дважды в сутки, утром и перед закатом, и я к нему в это время не лез. Первые два раза стоял рядом, потом стоял в трёх шагах, потом стал уходить.

На пятый день он подошёл ко мне с очень серьёзным лицом.

— Господин Тобиас, у меня к вам дело, — начал он, комкая в руках шапку.

Я отложил перо.

— Что у тебя за дело?

— Мне надо, чтобы вы сами посмотрели, — выговорил Пим. — Мне кажется, я все делаю правильно, но вдруг нет?

Я поднялся из-за стола.

— Что именно тебе не нравится?

— Вокруг шва стало розовое, — доложил он и провёл пальцем по своей руке, показывая. — Не красное, а розовое. И тёплое.

Я пошёл смотреть.

Вокруг шва было розовое, не красное, и тёплое ровно настолько, насколько положено на пятый день. То есть всё шло правильно, а мальчишка за пять дней научился отличать нормальное заживление от воспаления, потому что смотрел

на него дважды в сутки и никто не внушил ему, что это скучно.

Я выпрямился.

— Правильно видишь, так и должно быть. Если станет красное, горячее и она начнёт отдёргивать — зовёшь немедленно, хоть ночью.

— А если я вас зря разбужу среди ночи? — засомневался он.

— За «зря разбудил» я тебе спасибо скажу.

Я положил руку ему на плечо. За «постеснялся разбудить» я тебя выгоню.

Он покивал.

И, судя по всему, поверил и в первое, и во второе.

* * *

У меня наконец появилась племенная книга.

Начал я её на третий день после операции, из чистой злости: перечитывал перед сном записи предков — те самые двенадцать тетрадок за двести лет, и наткнулся на строку «пеплогриву давали свёклу, ел плохо». Без даты. Просто так, посреди страницы.

Я встал, оделся, спустился и до утра расчерчивал.

Взял конторскую книгу из тех, что нашлись в шкафу — чистую, куплена явно на будущее и лежала лет тридцать. Разграфил: дата, особь, возраст, вес, корм задано, корм съедено, стул, поведение, лечение, кто наблюдал.

Последнюю графу я добавил не сразу. Сперва подумал,

что она лишняя.

Потом подумал ещё раз и понял, что она главная.

Потому что если под наблюдением стоит подпись, то у наблюдения появляется автор. А у автора — самолюбие. А самолюбие — единственная сила, которая заставляет людей вносить записи ежедневно, а не когда вспомнится.

Первым в графе «кто наблюдал» расписался Пим. Печатными буквами, старательно, с нажимом. Я потом видел, как он этот разворот показывал Мавре.

Мавра на это отозвалась: «Ну и чего? Написал и написал».

И весь вечер ходила довольная.

* * *

Заодно я наконец обошёл все шесть дворов подряд, с книгой, и завёл на каждый вид отдельный разворот.

На это ушло четыре дня, и за четыре дня я узнал про своё хозяйство больше, чем за предыдущие три недели, потому что раньше я ходил туда, где "горело", а теперь пошёл по порядку.

Третий двор. Одиннадцать мунликов на площадь, рассчитанную, по моим прикидкам, особей на восемь. Они грызлись. Не всерьёз — но у двух самок были потёртые холки, а это первый признак того, что зверь постоянно "уступает дорогу".

Расселять было некуда. Я записал: «Перенаселение, 11 на 8. Требуется четвёртый двор. Стоимость — не считал, потому что нет смысла».

Пятый двор. Три копуна, все самцы, все взрослые. Норы в углу, глубокие, с валиками. Выходили они раз в сутки, оглядывались и уходили обратно, и за четыре дня я так и не увидел ни одного дольше пяти секунд.

Прудовые скользни. Их я вообще не смог посчитать. Записал «около сорока» и приписал: «Способ учёта не разработан. Придумать».

Сосновый. Тот, которого никто не видел.

По словам Гуша выходило: ночной, один, старый, живёт в кроне за прудом. Я две ночи просидел под этой сосной с фонарём, накрытым тряпкой, и не увидел ничего. На третью ночь я услышал — что-то прошло надо мной, очень близко, и я не услышал ни звука крыльев, только воздух.

Записал: «Присутствие подтверждено. Вид не установлен. Наблюдение не удалось».

И приписал: «Не лезть. Он тут дольше меня».

* * *

А на четвёртый день я нашёл Гортензию.

То есть я знал, что она есть — она числилась в описи палаты, — но я полагал, что она живёт в каком-нибудь из дворов, и три недели не мог сообразить, в каком.

Она жила в библиотеке.

Библиотека в господском доме была на втором этаже, не топились с позапрошлого года, и я туда заходил один раз в первую неделю, чтобы оценить, можно ли продать книги. Оказалось, нельзя: половина отсырела.

Теперь я зашёл второй раз — искать записи о видах.

И на стене, между шкафом и окном, на высоте моего плеча, сидела улитка.

Размером с колесо от телеги.

Я сел на пол.

Я не испугался — я просто сел, потому что ноги в тот месяц вообще принимали решения раньше меня. Она была серо-перламутровая, панцирь в разводах, тело под ним медленно двигалось, и она ползла — очень медленно, но ползла — вдоль верхней полки.

Я просидел на полу минут сорок и за сорок минут понял, что она делает.

Она проходила вдоль корешков. Останавливалась. Иногда шла дальше. Иногда сдвигалась к книге, лежавшей плашмя, и переползала через неё.

И там, где она переползала, на открытой странице оставался след — не слизь, а тонкий матовый оттиск, будто провели пальцем по запотевшему стеклу.

Я снял книгу с полки и посмотрел.

Это была приходно-расходная тетрадь за пятьдесят восьмой год. Раскрытая на развороте, где шли записи по кормам.

И оттиск лежал ровно на строке: «мунликам двор третий тесно, буде расширить».

Я сидел на полу в холодной библиотеке с чужой тетрадью на коленях и очень старался не делать выводов, потому что выводы в такой ситуации делаются сами и все неправильные.

Записал: «Гортензия. Перемещение по библиотеке. Оставляет матовый оттиск на открытых страницах. Проверить: совпадение или закономерность. Метод: раскладывать книги наугад, фиксировать, на что ляжет».

Проверял я это потом полгода. Забегая вперед: закономерность.

Какая — я не знал до сих пор.

* * *

Крыло под повязкой выглядело плохо.

То есть шов выглядел прекрасно — тонкий, сухой, чистый, Илария зашила лучше, чем я бы это сделал. Плохо выглядело всё остальное.

Мышца сдулась. Девятнадцать лет крыло не работало, и от него осталась тень: кожа, перо, кость и почти ничего между. Правое крыло рядом было вдвое толще в основании.

— Она у вас не полетит, — объявила Илария, разглядывая снятую повязку.

Она приехала утром, специально к снятию, и стояла теперь, скрестив руки, и смотрела с тем особым выражением, которое бывает у людей, только что сделавших хорошую работу и понявших, что этого мало.

— Полетит, я вам обещаю.

Взгляда от крыла я не отрывал.

— Тобиас, тут махать нечем, — не согласилась она и развела пальцами над основанием. — Тут одна кожа и кость.

— Сейчас нечем, а мышца восстанавливается.

— И за сколько она у вас восстановится? — уточнила Илария.

— Точного срока я вам не назову. У птицы такого размера — недель шесть-восемь при нормальной нагрузке. Если нагрузки не будет, не восстановится вообще, атрофия закрепится.

— И как вы дадите ей нагрузку, если она не летает? — не отставала она.

Я присел на корточки у решётки.

— Будем давать её постепенно. Начнём с того, что она вообще вспомнит, что крыло есть.

Илария посмотрела на меня.

— Вы это уже когда-то делали? — уточнила девушка.

Я поднялся.

— Я делал это с сипухой. И с одним журавлём, который потом всё равно остался в вольере. Так что не обещаю.

— Но взяться всё-таки собираетесь, — заключила Илария.

— Собираюсь, и начну с завтрашнего дня.

Она помолчала.

— Что вам для этого нужно? — спросила она, доставая свою книжечку.

* * *

Как выяснилось, мне нужно было очень много всего.

Наклонный настил, шириной шага в три и длиной шагов в двенадцать, с невысоким подъёмом. Мягкая подстилка вни-

зу — солома в два слоя, потому что падать она будет, и падать будет неудачно. Шест. Верёвка. И кто-то, кто согласится две недели подряд по четыре раза в день ходить с этой птицей туда-сюда.

Настил сколотили Гуш и Пим за полтора дня. Гуш пилил, Пим держал и подавал гвозди, а на второй день ему доверили молоток, и он вбил четырнадцать гвоздей, из которых восемь потом Гуш молча выдернул и забил заново.

Солому Мавра выдала со скандалом.

— Я на эту солому рассчитывала, между прочим, — возмутилась Мавра, загородив собой дверь сарая.

— А на что ты на неё рассчитывала?

— На то, что ею зимой сени закладывают, — объяснила она, не двигаясь с места. — Или ты, господин барон, зимой в сенях жить собрался?

— Мавра, зима у нас через полгода.

— Она через полгода, а солома вот сейчас, — отрезала Мавра и всё-таки отступила на шаг.

Сошлись на половине.

Смысл всей конструкции был простой: птица идёт вверх по наклонному настилу, а наверху её ждёт корм. Идти по наклону тяжелее, чем по ровному, и на подъёме любая птица инстинктивно подмахивает крыльями — не летит, а помогает себе. Вот это подмахивание нам и было нужно. Десяток раз в день. Сначала по чуть-чуть.

Первые три дня она вообще отказывалась туда лезть.

Сидела внизу, смотрела на настил и не шла. Мы клали корм всё ниже и ниже, и в конце концов положили на второй доске от земли, и она поднялась на две доски и съела, и это было наше огромное достижение, о котором Пим доложил Мавре в тот же вечер с интонацией гонца с поля битвы.

На седьмой день она дошла до середины.

На девятый — до верха.

И на верху, дотянувшись до плоски, вдруг развела оба крыла для равновесия.

Оба.

Левое поднялось не полностью, градусов на семьдесят, дрогнуло и сложилось обратно. Но оно поднялось.

Пим завопил так, что с крыши второго двора снялись мунлики.

* * *

Кеша всё это время делал вид, что происходящее его не касается.

Он приходил. Ложился шагах в двадцати, у стены, мордой в другую сторону, и лежал часа по два. Если я обращался к нему напрямую, отвечал что-нибудь ядовитое про то, что у него нет других дел, кроме как смотреть на птицу, ходящую по доскам.

Реннел, ты в курсе, что тратишь на это по три часа в день?

— Я прекрасно об этом осведомлён.

У тебя два месяца.

— И об этом тоже осведомлён.

И пять видов из шести.

— Ксаверий, шёл бы ты отсюда.

Я переставил ведро.

Он не пошёл. Он остался лежать и пролежал до темноты.

* * *

Она полетела на семнадцатый день.

Никакой торжественности в этом не было — я вообще заметил, что важные вещи в работе со зверьём случаются в самое неподходящее время, обычно когда ты стоишь с ведром и думаешь о другом.

Я стоял с ведром и думал о том, что мунлики за неделю утащили ещё одну ложку и что ложек в доме осталось пять, а нас пятеро, и это уже похоже на организованное вредительство.

Кисейница поднялась по настилу, дошла до верха, развела крылья — и вместо того чтобы сложить их, оттолкнулась.

Пролетела шага четыре.

Криво, с завалом на левый бок, ударилась о солому боком и завозилась.

Я поставил ведро.

Она встала. Отряхнулась. И полезла обратно на настил.

Сама.

Никто её не гнал, наверху не было корма, я его в тот заход не положил. Она просто дошла до верха, развела крылья и оттолкнулась второй раз.

Шесть шагов.

Третий — восемь.

На четвёртом она поднялась выше настила, поймала что-то там наверху, что ловят птицы и чего я никогда не пойму, и пошла по кругу над двором — низко, метрах в двух, с крепким, работая правым сильнее левого, и совершенно точно не собираясь садиться.

Она сделала одиннадцать кругов.

* * *

Про эти семнадцать дней надо сказать ещё одно, потому что без этого выйдет, что птица встала на крыло сама, а мы стояли и радовались.

Илария приезжала через день. Каждый раз — с весами.

Весы у неё были свои, рычажные, аптекарские, с гирьками до унции, и она таскала их в сумке за четыре версты, потому что мои — амбарные, на пуды — годились разве что для пеплогрива.

— Тобиас, мне нужен её вес, — потребовала она, доставая из сумки рычажные весы.

Я развёл руками.

— Она не даётся в руки.

— Значит, будем брать без веса, — решила Илария и убрала весы обратно.

Она придумала способ, до которого я не додумался: не взвешивать птицу, а взвешивать корм. Насыпать точно отмеренное, через сутки снять остаток, разницу записать.

— Но это же не вес получается.

— Это и не вес, вы правы, — согласилась Илария, отмеряя корм. — Это то, что она съела. А вес я и так вижу по килю, у меня рука набита.

На девятый день она подвела итог.

— Она ест на четверть больше, чем в начале, — объявила Илария, сверяясь с записями.

— И это хорошо или плохо?

— Смотря что там растёт, — отозвалась она, не поднимая головы. — Если мышца — хорошо. Если она просто жиреет от безделья — плохо, потому что тяжелее взлетать.

— А как нам одно от другого отличить?

— Никак не отличить, — призналась Илария и захлопнула книжечку. — Только временем.

* * *

На двенадцатый день мы поругались.

Всерьёз, в первый раз, и не из-за птицы.

Я предложил ей платить.

— Платить мне за что? — не поняла она и поставила сумку.

— Платить за приезды, по пять серебряков. Вы ездите через день. Вы ездите через день, вы возите свои снадобья и свои весы, вы тратите на нас день из двух.

Илария поставила сумку.

— У вас есть эти пять серебряков? — уточнила она, скрестив руки.

— Сейчас у меня их нет.

— Тогда о чём мы вообще говорим? — не поняла Илария.

— О том, что они когда-нибудь будут.

— Тобиас, послушайте меня, — начала она и села на бревно. — У нас с вами договор. Восьмая доля с алхимической поставки, пока долг не покроется вдвое. Мы его составляли три недели назад, вы его подписывали, и я его пересчитывала при вас одиннадцать минут.

— Я это прекрасно помню.

— Так вот в том договоре ни слова нет про приезды, — напомнила Илария и разгладила подол. — Потому что приезды я вписывать не стала.

Я сел рядом.

— А почему вы их не вписали?

— Потому что я тогда решила, что это будет три-четыре раза, — объяснила она, глядя в сторону. — А не через день.

Мы помолчали.

— Илария, вот именно поэтому я и предлагаю.

— А я вам отказываю, — отрезала она.

— Да почему же вы отказываете?! — не выдержал я.

— Потому что если вы мне начнёте платить за приезды, — принялась объяснять Илария тен Овеск, повернувшись ко мне всем корпусом. — То я перестану быть человеком, который сюда ездит, и стану человеком, которого сюда вызывают. И тогда через полгода вы начнёте думать, звать меня или обойдётся, потому что пять серебряков. И иногда будете

решать, что может обойдётся. А не обойдется! Я вас в этом уверяю!

Я открыл рот и понял, что она права, и что я именно так бы и делал, потому что я считал всё.

Я поднялся с бревна.

— Это самый неприятный аргумент, какой мне приводили за месяц.

— Я знаю, что неприятный, — согласилась Илария, забирая сумку. — Я его два дня формулировала. Я, между прочим, знала, что вы это предложите.

* * *

Мавра пришла на шум и встала рядом.

Смотрела долго, вытирая руки о передник, хотя руки у неё были сухие.

— Надо же, как она пошла, — выдохнула Мавра, задрала голову.

— Пошла как миленькая.

— Мальчик мой, а теперь объясни мне, дураку, одну вещь, — попросила она, вытирая сухие руки о передник.

— Что тебе объяснить?

— Камень-то у вас не загорелся, — заметила Мавра.

Я обернулся.

Она смотрела не на птицу. Она смотрела в сторону прогалины, за деревья, туда, где стояло одиннадцать камней и светились два.

— Ты ж мне сам говорил, что зверь — это якорь, — на-

помнила Мавра, поворачиваясь в сторону прогалины. - Что вид живой — тропа горит. Она вон летает. А камень?

— Она у нас одна такая.

Я наконец опустил голову.

— И что с того, что одна? — не поняла Мавра.

— То, что вид — это не одна особь. Вид — это те, кто даёт потомство. Она может летать сколько угодно. Пары нет.

Мавра пожевала губами.

— А где пара?

Я кивнул в сторону прогалины.

— Пара её вон там. За её камнем, в её мире.

— Так сходи.

— Мавра, камень погас.

— И что с того, что погас? — не поняла она.

— А через погасший камень не ходят. В этом весь смысл. Тропа гаснет насовсем.

Мавра подумала.

— Дурость это какая-то, — заключила она наконец и поправила шаль. — Чтoб зажечь, надо зверя привести. Чтoб зверя привести, надо чтoб горело. Это ж как с работой: чтoб взяли, нужен опыт, чтoб опыт, нужно чтoб взяли.

— Примерно так.

— Ну и кто это придумал?

— Понятия не имею кто.

— А ты пойдй да спроси, — посоветовала Мавра и двинулась к дому. — У кого следует.

И ушла в дом.

* * *

Кеша лежал у стены и смотрел на птицу.

Он лежал так уже минут двадцать, не двигаясь, и когда я подошёл, даже не сделал вид, что занят чем-то другим.

Одиннадцать кругов, — обронил он, не поворачивая головы.

— Ты считал?

Я всё считаю. Это профессиональное.

Я сел рядом на землю. Птица наверху пошла на двенадцатый и начала снижаться — устала.

— Ксаверий.

Не начинай.

— Погасшая тропа. Открыть её можно?

Дракон долго молчал.

Птица села — плохо, на брюхо, проехала по соломе, — и завозилась, устраиваясь. С другого конца двора к ней уже бежал Пим.

Скажи мне, Реннел, — произнёс наконец Кеша. — *Ты за девять дней ни разу не спросил, почему пошла называется поштиной.*

— В смысле?

В прямом. Пошлина. Плата за проход. Ты решил, что её платят тебе, потому что земля твоя, и на этом успокоился, — он повернул башку. — *А платят ей, не тебе. Тебе достаётся доля. Основное уходит в тропу.*

— Тропа берёт деньги?

Тропа берёт отданное, — поправил дракон. — Это разные вещи, и разницу ты поймёшь позже, потому что сейчас не для тебя это слишком сложно.

— Ксаверий.

Что?

— Погасшую тропу можно открыть?

Он смотрел на меня жёлтым глазом, и я впервые за девять дней не мог понять, что у него в морде.

Один раз, — уступил он после долгого молчания. — В одну сторону и обратно. Дорого.

— Насколько дорого?

Настолько, — отчеканил Ксаверий Аргентум Третий из Кладки Пепельных Гор. — Что я предпочту, чтобы ты сначала съездил в город и попробовал занять денег как нормальный человек.

Он поднялся и пошёл к оранжерее.

И, Реннел. В городе тебя будут ждать.

— И кто же меня там ждёт? — насторожился я.

Тот, кто выкупил твою закладную, — отозвался дракон, не оборачиваясь. — У тебя летает кисейница. Это видели из-за ограды. Такие новости ходят быстрее тебя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.